

Разумная достаточность, или Как избежать ошибки коллекционера

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ФЁДОРОВ В. В. (2023). УМА ПАЛАТА. М.: ВЦИОМ. — 300 с.
ISBN 978-5-906345-45-5

Степан Львов

Кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию,
Всероссийский центр изучения общественного мнения
Адрес: ул. Пречистенка, д. 38, Москва, 119034 Российская Федерация
E-mail: lvov@wciom.com

Наиболее известный в литературе сборник рецензий, это, пожалуй, «Абсолютная пустота» Станислава Лема, вышедший в 1971 году¹. Классик мировой научной фантастики написал псевдорецензии на несуществующие книги, чтобы показать миру тщету современной культуры в попытках создавать разумные вещи и ее преуспевание в производстве абсурда и трюизмов. Троллинг высочайшего уровня удался Лему также и потому, что он прибег к «выборочному» (если кто-то скажет — к «выморочному», тоже будет прав) методу: «систематичность педанта или шутника», как определил главное свойство сборника сам автор, обеспечили 16 «рецензий» на «произведения» разных авторов, разного стиля, на разные темы... Это количество он посчитал достаточным для того, чтобы обеспечить «репрезентативность» пустоты.

В отличие от Лема и его «пустоты», репрезентация (признаем, условная) содержательного и актуального знания о современном мире, обществе и человеке потребовала от Валерия Фёдорова коллекции на порядок более многочисленной.

Осведомленность о существовании теорий, концепций и прикладных исследований порождает ложную уверенность в том, что мы включены в научный дискурс. Распространенное с 1970-х в ученом мире ксерокопирование материалов для научной «коллекции» — этот феномен в красках описал Умберто Эко² — стал причиной возникновения так называемой «ошибки коллекционера». Копируя статьи из журналов, сохраняя в «избранном» по ходу интернет-сёрфинга все, что показалось интересным, или покупая книги, рассчитывая прочитать их в будущем, мы создаем иллюзию нашего погружения в научные контексты. Природные мастера нейминга необычных явлений японцы даже присвоили феномену покупки книг «впрок» звонкое название «цундоку» — причудливый микс из словосочета-

1. Лем С. (2003) Абсолютная пустота / Пер. с пол. Е. Вайсброта и др. М.: Изд-во АСТ: Астрель.

2. Эко У. (2003). Как написать дипломную работу / Пер. с ит. Е. Костюкович. М.: Книжный дом «Университет». С. 146.

ний «оставь эту кучу на будущее и забудь про нее» и «чтение книг»³. Последователи Никласа Лумана (не в области социологии, а в практике применения техники Zettelkasten) придумали целую технологию борьбы с этим явлением — считать полезной для себя только ту информацию, которую вы сопоставили с собственным опытом и знаниями⁴. Проще говоря — конспектировать и комментировать все, что оказалось достойным вашего внимания, вместо того чтобы «добавлять в избранное». Очевидно, этим принципом и руководствовался автор рецензируемого сборника.

В виде сборника конспектов «Ума палата» гуманитарное научное и экспертное сообщество получило неожиданный, провокативный и качественный продукт, претендующий на то, чтобы называться вестником возрождения научного реферирования. Почему такой аванс может быть ему выдан? Тому есть три явные причины.

Причина первая: коллекция сложилась не стихийно. Автор, будучи экспертом в области исследований и управления в социально-политической сфере, выбирал книги для чтения и «обезвреживания» (так шутливо называл великий читатель У. Эко процесс вдумчивого конспектирования), по принципу «целевой выборки». В основе этой выборки — принцип прагматизма: максимальной полезности для понимания актуальных социальных и политических процессов. Она предназначена читателю, ориентированному не на созерцание, а на активное изучение, влияние и изменение.

Рефлексируя над «каталогом коллекции» Федорова, невозможно избавиться от мысли о том, что здесь по большому счету просматривается некоторый дискурс, требующий своего описания и именованя. Конечно же, 99% читателей сборника будут не согласны — некоторые даже активно не согласны — с этим списком. Но это выбор самого Валерия, обусловленный, очевидно, приверженностью определенным авторам, практической актуальностью, теоретическими приоритетами, реже — спонтанностью (например, взял почитать книжку в командировку, а она оказалась достойной рецензирования).

Я бы очертил следующие границы интереса автора и расставил тематические приоритеты сборника в таком порядке:

- Экономическая и политическая история и прогнозирование, в т.ч. историческая социология: прошлое и будущее человечества.
- Глобализация и все, что ей противодействует в новом «хаотическом» мире.
- Институты и государство — их судьба в современном мире.
- Исследования культуры, в том числе — «цифровой», прежде всего ее воздействия на массы, но не вопросы ее формирования.

---

3. Brooks K. (2017). There's A Japanese Word For People Who Buy More Books Than They Can Actually Read // URL: https://www.huffpost.com/entry/theres-a-japanese-word-for-people-who-buy-more-books-than-they-can-actually-read_n_58f79b7ae4b029063d364226 (дата доступа: 20.11.2023)

4. См.: Niklas Luhmann-Archiv // URL: <https://niklas-luhmann-archiv.de/bestand/zettelkasten/suche> (дата доступа: 20.11.2023)

- Идеалы и ценности в современном обществе и их проблемы, включая вопросы идентичности.
- Благополучие и общественное счастье.
- Вопросы теории и методологии социологии и исследований общественного мнения.
- Другие темы, менее распространенные, но не менее важные.

Итак, представленный дискурс обширен и демонстрирует достаточно глубокий интерес к пониманию современных общественных и политических тенденций в мировом контексте. Так или иначе, не произнося этих слов, Федоров подталкивает читателя, и — что важнее — показывает, как в современной гуманитарной науке реализуется принцип междисциплинарности. Если она целиком и полностью зависит от критического подхода к синтезу концепций, то прежде всего каждый источник должен пройти критическую проработку ученым, который собирается синтезировать такое знание.

Большая часть книг из коллекции принадлежит сфере макрополитики и макросоциологии. Здесь нет упрека автору сборника — просто книг о процессах на мезо- и микроуровне пишут мало — в основном это статьи. Впрочем, соотношение зарубежных и отечественных книг также явно не в пользу последних: из почти полутора сотен «экспонатов коллекции» перу российских авторов принадлежат только 28. Говорит ли это о том, что зарубежные теории и концепции оказывают на российских исследователей-гуманитариев в пять раз более сильное влияние? Надеюсь, иронию в этом вопросе вы поняли правильно, но гипотезу эту стоит проверить.

Вторая причина состоит в том, что выбран наиболее объективный из возможных способ обработки текстов. Основной метод, примененный автором, — это классическое монографическое реферирование⁵: первоисточники не «смешиваются» с другими трудами на эту же тему или другими работами этого автора; референт не стремится к широкому обзору и дискуссии с автором — хотя, полагаю, такой соблазн периодически у него возникал; и в то же время рецензии не сводятся к примитивному пересказу идей из книг — установка автора на «перенос» знания, а не информации в текстах соблюдается неукоснительно в каждом конспекте. Это обеспечивает максимальное соответствие «снимка» оригиналу, бережное отношение к авторской позиции. На страницах сборника вы не найдете критики или приглашения к дискуссии, зато читатель может быть уверен в том, что идеи авторов не искажены — а часто и поданы в более понятном для читателя виде.

Главным источником научной информации для ученых второй половины XX века были реферативные журналы. Многие коллеги среднего и старшего поколения были подписчиками или регулярными читателями «инионовских»

---

5. См. ГОСТ Р 7.0.99-2018 (ИСО 214:1976) Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация. Общие требования / URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200160041?section=text> (дата доступа: 20.11.2023)

реферативных журналов. Это позволяло иметь хоть какой-то доступ к зарубежным публикациям, быть в курсе актуальных научных трендов в условиях дефицита переводной литературы и сильно ограниченного доступа к иноязычным материалам. Соотносясь с концепциями из реферативных журналов, исследователи формировали свою научную программу, обосновывали ее актуальность.

Несмотря на гигантские усилия по мотивированию ученых к участию в создании «глобального источника научных знаний», прежде всего через наукометрию, научно-информационное обслуживание исследователей сегодня переживает кризис. И в чем он проявляется?

1. Информационное обслуживание науки построено на принципах поисковых систем, подчиненных идеологии Web 2.0, ориентированной по большому счету на обывательский или полупрофессиональный запрос. Поисковики выдают то, что популярно у «невключенной» публики, просто потому, что ее физически больше, тогда как ученым важны уникальность, глубина и достоверность искомой информации. Интернет готов «на хороший вопрос ответить мычанием» — с удовольствием выдаст результат, например, многократно сданный преподавателям в начале нулевых, до эпохи «Антиплагиата», реферат студента-троечника.

2. Научные базы с высокой гарантией способны выдать релевантный и валидный результат, но он не всегда может быть полезен, так как состоит в основном из метаинформации о научных текстах (потому они и называются системами индексирования). А дальше все зависит от наличия у ученого доступа к полнотекстовым базам. И ограничения — от финансовых до санкционных — вам должны быть хорошо известны.

3. На замену информационному дефициту пришла информационная избыточность — культуры борьбы с информационным шумом в среде ученых еще не сформировалось — выделить научные открытия, глубокие и систематизированные результаты от «проходных» становится все труднее.

4. О проблемах комплектования библиотек, удорожании книг, непрозрачной политике издательств и санкциях со стороны западных издательств также хорошо известно.

Ожидается, что в ближайшем будущем значительную часть информационного обеспечения науки возьмет на себя искусственный интеллект, с его доказанной способностью обрабатывать большие объемы данных и выявлять закономерности. Обещают, что машинно-обученные алгоритмы могут помочь автоматизировать поиск, анализ, обработку и агрегацию научной информации, что позволит исследователям сосредоточиться на более глубоком анализе и интерпретации результатов. И мечта некоторых ученых, связанная с тем, что ИИ будет способен помочь в выявлении новых закономерностей и тенденций, формулировке новых научных гипотез, также начнет сбываться.

Но, с другой стороны, это в свою очередь вызовет проблемы с интеллектуальной собственностью, которые как-то и кому-то придется решать. И риск того, что ученым порой придется ходить по кругу, точнее — по указанным ИИ ложным маршрутам научного поиска, достаточно велик.

Причина вышеперечисленных проблем и неспособности ИИ (по крайней мере, в обозримом будущем) решить ключевые проблемы информационного обеспечения науки, на мой взгляд, проста и очевидна — это постепенный отход (нельзя сказать, что случился полный отказ, но и мода точно прошла) от практики реферирования научных изданий. В какой-то мере сохраняется интерес к публикации рецензий в научных журналах, но этот процесс складывается абсолютно стихийно: не все, что достойно внимания, рецензируется, а то, что может быть не так интересно ученым как потребителям профессиональной информации, на страницах уважаемых журналов появляется.

Ученое и экспертное сообщество преждевременно решило, что реферативные журналы, появившиеся на заре Нового времени и приобретшие свои современные формы в начале прошлого века, безнадежно устарели. В условиях широкого распространения Интернета, огромного количества научных баз данных и электронных коммуникаций, такое средство распространения информации о новых научных достижениях, как научное реферирование, требующее высокой квалификации и времени референта, казалось бы, теряет свою актуальность, по меньшей мере в своем нынешнем виде. Но вот в 2023 году появляется это необычное издание, которому, на наш взгляд, уготована судьба с каждым читателем пройти все пять стадий принятия неизбежного.

Итак, третья причина состоит в том, что сборник ломает стереотипы о чтении: что оно может быть либо «для души», либо по потребности, возникшей «в моменте». Федоров показывает, что коллекционировать следует с прицелом на использование знания в будущем. И важный момент — отношение к знанию должно быть идеологически и теоретически нейтральным.

Есть ли у Валерия Федорова авторы-любимцы? Если считать по количеству книг одного автора, то кажется, что определенные предпочтения у него все-таки имеются. Но это только на первый взгляд. Неспроста в коллекцию попали по четыре книги таких разных по взглядам авторов, как выдающийся левый мыслитель Иммануил Валлерстайн и главный идеологический противник СССР и России Збигнев Бжезинский. Глобальные миросистемы и американская гегемония; прогнозы, основанные на глубокой аналитике и решения, предполагающие агрессивное действие, — что может быть между ними общего? Но Федорову удалось создать мозаику, в которой каждый элемент имеет ценность, поскольку за каждой теорией или концепцией, или даже призывами, как у Бжезинского, стоит огромный интеллектуальный труд, который требует уважительного анализа.

Вторая лига «любимцев» — исследователи, каждый из которых представлен тремя книгами. Это безусловные «звезды» западного интеллектуального небо-

склона. Думаю, без намерения со стороны автора рецензий получилось, что каждый из них ассоциируется с определенным десятилетием: 1980-е — Сэмюэл Хантингтон, 1990-е — Зигмунт Бауман, 2000-е — Джон Урри, 2010-е — Ричард Лахман. В этом почетном списке оказался и наш соотечественник — питерский социолог Дмитрий Иванов, разрабатывающий темы общества потребления и новых форм капитализма.

На самом деле наличие такого списка говорит только о том, что есть ученые, которым для изложения своей концепции потребовалось больше одной книги, или их взгляды эволюционировали. А автору сборника рецензий потребовалось изучить несколько книг для того, чтобы разобраться в их концепциях.

Идеологическое, теоретическое и методологическое многообразие и фактическое (но о котором в книге не сказано ни полслова) противопоставление авторов только усиливает эффект невысказанного, но при этом сильного месседжа о разнообразии как необходимом качестве любой жизнеспособной системы, под которой в данном случае следует понимать гуманитарное знание в целом. И, как иногда случается, синергетический эффект превосходит сумму элементов. В итоге мы получили не только полторы сотни конспектов (точнее — 142) знаковых (по нерасшифрованным, но вполне угадываемым критериям Федорова) текстов, но и один более крупный артефакт, который можно было бы назвать «корпусом актуального социального знания».

«Ума палата» убедительно показывает, что конспектирование — первый и основной этап в преодолении «ошибки коллекционера». Некоторым читателям не будет хватать авторской позиции: в жанре рецензии, например, такого дефицита не существует. Так и мне на определенном этапе хотелось понять, как то или иное знание вплетено в ткань научного дискурса; почему автор эволюционировал именно так, а не иначе; как это знание может трансформироваться в исследовательские программы... Мультипликативный эффект от прочтения последует позже — после того, как вы прочтете хотя бы пару десятков представленных рефератов.

Сборник «Ума палата» вполне технологически солиден, тематически многообразен и литературно безупречен, чтобы не выглядеть «гласом вопиющего в пустыне» о необходимости вернуть почти забытое умение реферировать научные тексты. Прочтение книги вызовет у вас ощущение того, что автор бросает вызов, или, говоря современным сленгом, «запускает челлендж». Если жанр найдет поддержку (почему бы и не вами в том числе), вне зависимости от того, где будут размещаться конспекты/рецензии/рефераты (как видим — и формат может быть разнообразным, не только тем, который избран Федоровым), то будет накапливаться весьма полезный корпус знаний о том, как устроен научный дискурс с возможностью в нем быстро сориентироваться.

И точно не стоит беспокоиться о том, что, прочитав «Ума палату», вы подпадете под шаблонирующее влияние и станете «думать, как Федоров» — он не покушается ни на чей интеллектуальный суверенитет. Но ваши «подразумеваемые»

знания станут заметно шире: и это точно будут знания — пусть упакованные и форматированные — но более полезные, чем осведомленность о содержании папки «избранное» вашего браузера или полка непрочитанных книг в вашей домашней библиотеке.

Reasonable Sufficiency, or How to Avoid Collector's Fallacy

Book review: Fedorov V.V. (2023) *Full of Thoughts*, Moscow: VCIOM. — P. 300. ISBN: 978-5-906345-45-5.
In Russian

Stepan Lvov

Candidate of Sociological Sciences, Director of Strategic Development,

Russian Center of Public Opinion Research

Address: Prechistenka str., 38, Moscow, 119034 Russian Federation

E-mail: lvov@wciom.com